

С. В. Семочко (Воронеж, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» ИЗ ПОВЕСТИ
Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» СРЕДСТВАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Прецедентные тексты хранят в своей структуре специфический набор исторических, этических и культурных сведений о мире и обществе, отражая при этом особенности развития человеческого мышления. Подобного рода феномены хорошо известны представителям конкретного лингвокультурного сообщества. Поэтому прецедентные тексты постоянно используются в различных видах дискурса, особенно, в художественной литературе, поскольку обращение к таким текстам помогает лаконично охарактеризовать ту или иную личность (её внешность, душевное состояние, идеологические предпочтения и взгляды). Значит, у переводчика в процессе перевода художественного текста возникает ряд трудностей, связанных с распознаванием прецедентных феноменов в тексте оригинала и с передачей культурно-специфичной информации средствами другого языка.

Ключевые слова: межкультурная адаптация, лингвистика текста, прецедентный текст / феномен, художественный дискурс, перевод

SVETLANA V. SEMOCHKO (VORONEZH, RUSSIA). SPECIFICS OF THE INTERCULTURAL ADAPTATION OF THE PRECEDENT PHENOMENON *THE LITTLE MAN* FROM GOGOL'S "OVERCOAT" IN ITS GERMAN TRANSLATIONS. 'Precedent' texts convey specific cultural, historical, and ethnic knowledge about the world and human society. They also reflect the process of thinking. Precedent texts are well known in a certain linguistic community; they are used constantly in different types of discourse, especially in the fictional discourse, because they can characterize personalities (their outlook, experience, ideological preferences and attitudes). Thus, the identification of precedent phenomena and transmission of cultural information can posit problems for translators.

Keywords: intercultural adaptation, text linguistics, precedent text / phenomenon, fictional discourse, translation

В современных лингвистических исследованиях текст трактуется чаще всего как фрагмент концептуальной картины мира и феномен человеческой культуры (Кубрякова 2004; Гришаева 1998;

Карасик 2002 и др.). При этом сторонники когнитивного направления указывают на сложнейшую природу текстов, которые объективируются с помощью языка и посредством особых языковых форм и которые являются одновременно результатами ментальной деятельности индивидов, живущих в определённом месте и в конкретных социально-исторических условиях и отражающих поэтому в своих речевых произведениях соответствующие социально-культурологические и психологические факторы (Кубрякова 2004: 516).

Следовательно, не бывает текстов, которые не фиксировали бы какое-либо явление внеязыковой действительности и которые не отражали бы конечный результат речемыслительного деятельности человека. Другими словами, нет таких текстов, которые не являлись бы итогом дискурсивной, то есть, социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности (Кубрякова 2004; Гришаева 1998; Цурикова 2002).

Таким образом, текст представляет собой незамкнутый структурный комплекс, поэтому в лингвистических исследованиях необходимо учитывать условия порождения и факторы, влияющие на понимание текста, а также фактор адресата и адресанта (Карасик 2002; Цурикова 2002; Heinemann 2002).

При таком подходе особый интерес для когнитивных изысканий представляет изучение текстов/макротекстов с точки зрения выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций (Карасик 2002; Кубрякова 2004; Heinemann 2002). Тем самым исследователь получает уникальную возможность описать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленных знаний, которые влияют на выбор автором определённых номинативных и дискурсивных стратегий в процессе вербализации и ревербализации сведений о внеязыковой действительности.

Исходя из того, что текст является результатом речемыслительной и дискурсивной деятельности человека, следует предположить, что языковыми средствами фиксируются ценностные ориентиры, идеалы, а также социально-этические и культурные приоритеты социума и индивида. Значит, практически любой текст обладает одновременно национальной спецификой и способностью передавать индивидуальные особенности коммуникантов (адресанта и адресата), а потому может рассматриваться

как фрагмент концептуальной и языковой картины мира (Гришова 1998, 2003; Карасик 2002; Кубрякова 2004).

С озвученных позиций особую значимость и интерес для лингвистических исследований, выполняемых в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, представляют собой носители особой, культурно значимой и культурно обусловленной информации. Ю. Н. Караулов называет их *прецедентными текстами* (ПТ) (Караулов 1987). Сам по себе термин «прецедентный текст» указывает на то, что представители определённой культуры неоднократно обращаются к подобным текстам как в историческом прошлом, так и в современности. Следовательно, эти тексты понятны и могут быть расшифрованы представителями разных поколений, поскольку ПТ кодируют и сохраняют важную культурно-историческую информацию, относящуюся непосредственно к конкретному социуму. Кроме того, имея порой лаконичную и сжатую форму, ПТ обладают ёмкостью и необычайной выразительностью, а также особой способностью к развёртыванию в человеческом сознании всего содержания ПТ у лиц, принадлежащих к данной культуре. При этом следует различать понятия «текст/макротекст» и «прецедентный текст», поскольку не каждое произведение речемыслительной и дискурсивной деятельности, даже ставшее классикой мировой литературы, может считаться ПТ. Ведь прецедентные феномены являются носителями сжатой до определённого символа или кода важной информации о некотором фрагменте внеязыковой действительности. Поэтому их языковая оболочка может иметь форму одной лексемы – имени собственного или же целого макротекста. Главное, что все ПТ содержат набор сведений, который при любой интерпретации остаётся более или менее неизменным, что и делает тот или иной прецедентный текст легкоузнаваемым и понятным для представителей разных поколений соответствующей лингвокультуры.

Прецедентные феномены до сих пор остаются малоизученными, хотя названные явления представляют несомненный интерес для лингвистических исследований (Гудков 2003; Красных 1998; Слышкин 2000). Ведь ПТ являются интеллектуально и эмоционально значимыми символами культуры, которые регулярно воспроизводятся в ней на протяжении многих поколений как коллективным, так и индивидуальным субъектом (Караулов 1987). Выступая в качестве культурно-специфических знаков, они явля-

ются наиболее яркими маркерами культурной идентичности, поскольку содержание ПТ или хотя бы его ядро знакомо большинству индивидов данной лингвокультуры, а не только какому-либо ее отдельному представителю.

Таким образом, ПТ способны активизировать в сознании человека ряд ассоциаций, комплекс символов, связанный с ними у целого социокультурного типа, поскольку названные феномены входят в прототипическую часть концептуальной и языковой картины мира (Феномен прецедентности 2004: 40-43).

Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю. Н. Карауловым, который к числу прецедентных относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки» (Караулов 1987: 216), значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации. По словам основоположника указанного направления, прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть, хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Там же: 216).

Безусловно, каждый ПТ имеет свою «продолжительность жизни»: многое зависит от социально-исторических условий и морально-этических ценностей, доминирующих в ту или иную эпоху. Именно поэтому популярный и распространённый в один исторический период ПТ перестаёт быть таковым, остаётся невостребованным в новых условиях. Так, современный среднестатистический человек либо совсем не знаком с сентиментальными романами Руссо, либо смутно догадывается о том, что они собой представляют.

Однако нечастое или периодическое использование тех или иных ПТ – это не самый распространённый вариант их эволюции. Гораздо чаще ПТ заново переосмысливаются, получают новое наполнение и продолжают жить в новом звучании, выполняя дополнительные функции в современности, представляя собой для представителей определённого социума уникальный источник информации, который кодирует и фиксирует важный пласт внеязыковой действительности о той или иной субкультуре / культуре конкретного сообщества. В этом случае уместно говорить о

внутрикультурной адаптации прецедентных феноменов в пределах определенной лингвокультуры.

Несмотря на многообразие обличей, в которых предстают ПТ, все они, как считает Ю. Н. Караулов, имеют три общих признака, что отличает их от других типов текста, известных в лингвистике:

1. Любой ПТ имеет эмоциональную и познавательную значимость для каждого индивида социума (то есть, в разные исторические периоды сохраняется внимание к определённым морально-этическим ценностям).

2. ПТ всегда носит надличностный характер (то есть, его содержание, по крайней мере, ядро сюжета, знакомо не какому-либо отдельному индивиду, а большинству представителей определённого культурного сообщества).

3. К ПТ постоянно обращаются в рамках данного социума. Незнание этих текстов является предпосылкой для «отторжённости от данной культуры» (Караулов 1987: 216). Это может объясняться тем, что с когнитивной точки зрения ПТ является моделью осмысления действительности, моделью, принимаемой и активно используемой большинством – если не всеми – в социуме.

Таким образом, выделенные Ю. Н. Карауловым черты ПТ отражают симбиоз индивидуального и коллективного начал, являющихся основой феномена ПТ.

Несмотря на общие черты, присущие всем ПТ можно также выделить и специфические черты исследуемого явления, отличающие ПТ одной культуры от ПТ другого сообщества. К таковым чертам относятся:

- частотность обращения к ПТ в конкретной лингвокультуре в определённый исторический период;
- характерный набор ПТ, при помощи которых осуществляется апелляция к фундаментальным морально-этическим ценностям данного сообщества;
- моно- / полифункциональность, амбивалентность / однозначность ПТ для определенной лингвокультуры;
- ситуации, когда та или иная культура рассматривает ПТ как наиболее подходящее средство воздействия на адресата;
- уникальный набор ассоциаций, связанный с тем или иным прецедентным феноменом в данной лингвокультуре;
- наличие / отсутствие героев ПТ, существующих / знакомых только этому сообществу;

- наличие / отсутствие процессов мифологизации героев или ситуаций ПТ в данной культуре и т. д. (Феномен прецедентности 2004).

Таким образом, классифицируя ПТ, можно выделять универсальные, идиокультурные, регионально специфические феномены, а также ПТ, с помощью которых активизируются сведения определённого типа.

Говоря о путях распространения ПТ в той или иной лингвокультуре, Ю. Н. Караулов предлагает различать три основных способа бытования ПТ:

- натуральный, при котором текст воспринимается и обрабатывается непосредственно;
- вторичный, то есть, обращение к данному ПТ в других видах искусства: музыке, живописи, танце, театральных жанрах и т. д. или его переосмысление в критической литературе;
- семиотический способ, который представляет наибольший интерес для лингвистов, так как он связан с обращением к оригинальному тексту, часто одним лишь намёком или косвенным признаком вызывая в памяти расшифровку всего сюжета (Караулов 1987: 216-217).

Первые два способа могут быть свойственны, в принципе, любому тексту, в то время как семиотический – исключительно ПТ. Именно в семиотическом способе существования ПТ становится образцом социализации личности, поскольку любой ПТ является моделью концептуализации действительности. Появляясь в дискурсе языковой личности в редуцированном виде в форме цитаты, имени автора / персонажа или названия соответствующего макротекста, ПТ в сознании адресата актуализирует всё своё содержание или большую его часть. При этом средством активизации прецедентных феноменов в дискурсе той или иной языковой личности служит апелляция к особому рода ассоциациям, которые стоят за каждым ПТ и которые реализуются в конкретных дискурсивных условиях через использование определённых языковых механизмов. К таковым механизмам, способствующим развёртыванию содержания того или иного ПТ в сознании представителей определённой культуры, можно отнести

- употребление имён собственных героев того или иного ПТ (*Незнайка, Мефистофель, Вертер* и т. д.);

- упоминание о легендарных событиях (например, *Куликовская битва*);
- использование ПТ в качестве сюжетообразующего в произведениях разных жанров искусства (в живописи, музыке, литературе) и др.

Таким образом, «семиотический способ бытования ПТ близок процессу номинации» (Караулов 1987: 217), так как отдельное слово точно так же вызывает в сознании ряд сведений об определённом денотате и отсылает к его семантическому полю. Данное обстоятельство свидетельствует о лингвистической природе ПТ и позволяет обозначить подобный приём актуализации всего содержания ПТ как номинативный. Анализ определённого набора ПТ в дискурсе той или иной языковой личности может дать её психологический и социологический портрет, а также и информацию о наиболее значимых морально-эстетических ценностях всего сообщества, доминирующих в ту или иную эпоху.

Кроме того, анализ определённого набора ПТ позволяет проникнуть в идейно-художественный замысел произведения и лучше понять его композиционное построение. Поэтому огромная художественно-литературная сила выразительности, лаконичность и одновременная ёмкость и содержательность делают ПТ одним из самых значимых средств для создания полнокровных и ярких образов литературных героев и создания «индивидуального ↔ типического».

Наиболее известны и распространены ПТ в виде народных сказаний, легенд и т. д., которые отражают процесс возникновения ПТ на микроуровне (субкультура) данной лингвокультуры. Однако способы существования ПТ не исчерпываются произведениями устного народного творчества. ПТ используются затем уже в более поздних произведениях, прежде всего, в художественном и философско-публицистическом дискурсе, что свидетельствует о становлении ПТ на макроуровне (общенациональном) данной лингвокультуры. При этом следует учесть, что ПТ существуют не только в вербальной форме (чаще в виде сказаний, легенд и так далее), но и в невербальной (в виде памятников, музыкальных произведений, архитектурных сооружений и так далее).

В этой связи следует заметить, что и сегодня изучению механизмов активизации и вербализации того или иного ПТ в качестве одного из своеобразных способов именованного фрагмента

внеязыковой действительности уделяется все еще недостаточно внимания. По нашему мнению, к таковым механизмам вербализации сведений ПТ относятся единицы разных языковых уровней. Например, лексемы, группы слов разной структуры, конструкции с финитным глаголом, сложное предложение, микротексты (термин О. И. Москальской: *Moskalskaja* 1983) и макротексты, которые являются зачастую одновременно формой существования ПТ. Поэтому механизмы вербализации ПТ представляют несомненный интерес для лингвистических исследований, проводимых в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Исходя из всего сказанного выше, ПТ следует считать результатом когнитивного освоения человеком внеязыковой действительности. При этом прецедентные феномены могут выполнять в разных видах дискурса следующие функции:

- ПТ являются, с одной стороны, хранилищем культурно значимой информации и вследствие этого – маркером коллективной культурной идентичности, обнаруживая при этом связь с ценностными доминантами данного сообщества; с другой – это маркер индивидуальной культурно детерминированной идентичности;
- выполняют текстообразующие или сюжетообразующие функции, маркируют кульминацию действия в том или ином произведении, а также служат для характеристики героев;
- ПТ представляют собой средство апелляции к ядерным морально-этическим ценностям в конкретной лингвокультуре;
- ПТ являются одной из важнейших характеристик конкретной языковой личности в определенный период ее развития и становления.

Видимо, поэтому ПТ получают наиболее широкое распространение в различных видах дискурса, особенно в художественном, так как литература практически всегда отражает связь общественного и индивидуального.

Таким образом, ПТ является не просто продуктом речемыслительной деятельности конкретного индивида, а результатом эволюции коллективного сознания всего лингвокультурного сообщества. Другими словами, ПТ следует признать своеобразной моделью концептуализации мира в определенном социуме, *прототипом комплексного характера* для осмысления тех или иных регу-

лярно повторяющихся отношений между представителями конкретной культуры (Феномен прецедентности 2004: 42-43).

Все вышеизложенное свидетельствует в пользу сложности природы и культурной специфичности ПТ. Поэтому следует предположить, что произведения, в которых происходит апелляция к ряду ПТ или которые имеют ПТ в качестве сюжетообразующего ядра, будут представлять определённые сложности для его адаптации средствами другого языка.

Несомненно, в процессе перевода речевых произведений используются разные механизмы ревербализации действительности, которые задействованы не столько на микротекстовом, сколько на макротекстовом уровне, и которые обуславливают во многом лексические и грамматические трансформации в тексте перевода, что сказывается на конечном прагматическом воздействии на адресата (Гришаева 2001: 42-44). Однако далеко не все различия в адаптируемом в другой культуре тексте объясняются лишь структурно-системными несовпадениями языка-донора и языка-реципиента.

Попытаемся проиллюстрировать всё выше изложенное примерами из проведенного исследования особенностей межкультурной адаптации русского прецедентного феномена «Маленький человек» из повести Н. В. Гоголя «ШИНЕЛЬ» средствами немецкого языка, проведенного совместно с выпускницей факультета РГФ ВГУ 2012 г. Лилией Гуниной.

Сопоставительный анализ оригинала повести Н. В. Гоголя показал, что тема «маленького человека» значима для русской культуры в познавательном и эмоциональном отношении, поскольку затрагивает проблему унижения и невнимания к низшим слоям населения, проблему взаимоотношений между правящими и подчиненными. Описание мытарств «маленького человека» довольно часто встречается в произведениях русской литературы XIX века: А. С. Пушкин («СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ», «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»), А. Н. Островский («ШУТНИКИ» и др.), А. С. Грибоедов («ГОРЕ ОТ УМА»), И. С. Тургенев («УЕЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ» из «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»), Ф. М. Достоевский («БЕДНЫЕ ЛЮДИ» и др.), А. П. Чехов («СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА», «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ») и др. Многие из этих произведений были поставлены в театре и экранизированы в XX веке.

Тема «маленького человека» имеет сверхличностный характер в русской культуре. Этот феномен хорошо знаком практически всем представителям русской лингвокультуры из школьной программы по русской литературе, а также благодаря знакомству с многочисленными интерпретациями изучаемого явления, бытующего в русской культуре вот уже более 200 лет. Значит, исходя из критериев Ю. Н. Караулова, тему «маленького человека» можно считать русским прецедентным текстом со специфическим набором сведений и ассоциаций, связанных с изучаемым феноменом.

Изучив литературоведческие источники по немецкой литературе того же периода, мы пришли к выводу, что образ «маленького человека» в немецкой культуре связан с иным комплексом ассоциаций, нежели в России того же периода. Подобный тип личности назывался в немецкой лингвокультуре XIX века, то есть, в 1850-е гг., *бидермейером*. В выходящем в Мюнхене журнале «Летучие листки» начал публиковаться цикл забавных историй, главным персонажем которых был Готфрид Бидермейер – добропорядочный бюргер-семьянин, сочинитель плохих сентиментальных стихов (Полубояринова 2001: 64). В этом образе высмеивались слабости и пристрастия рядовых граждан Германии того времени. Затем имя *Бидермейер* стало нарицательным и стало обозначать определенный стиль искусства и литературы, а также мироощущение и образ жизни средних слоев населения в Германии XIX века. основополагающей идеей мировоззрения и творчества бидермейеров стало отречение от активной жизненной позиции. Отсюда присущая литературе «высокого» бидермейера меланхолия, идеализация прошлого; культ «старого доброго времени» обретает возвышенный, даже пафосный характер. (Полубояринова 2001: 74).

Таким образом, учитывая приведенные выше литературоведческие комментарии, можно сделать вывод о том, что в немецкой лингвокультуре типичный «маленький человек» XIX века ассоциируется с иными характеристиками, нежели в русской того же периода.

Сделанные наблюдения можно обобщить в таблице 1:

Таблица 1. Сравнительные характеристики типа «маленький человек» в русской и немецкой культурах¹.

Характеристики типа личности «маленький человек»	
Русская лингвокультура	Немецкая лингвокультура
<p>1) <i>низкое, бедственное, подчиненное социальное положение;</i></p> <p>2) <i>страдание, происходящее от слабости и совершаемых в жизни ошибок;</i></p> <p>3) <i>в разной мере, но ущербность личности, часто убожество и неразвитость, пассивность;</i></p> <p>4) <i>острота жизненных переживаний;</i></p> <p>5) <i>осознание себя именно «маленьким человеком» и стремление утвердить свое право на жизнь именно в таком качестве, но часто с мечтой об облегчении жизни;</i></p> <p>6) обращение к Богу как единственному носителю справедливости и равенства</p>	<p>1) <i>любовь к домашнему уюту, родной природе;</i></p> <p>2) глубокая религиозность;</p> <p>3) <i>уход в частную жизнь;</i></p> <p>4) пассивность;</p> <p>5) <i>аполитичность, отказ от общественной жизни;</i></p> <p>6) <i>бегство от проблем, нежелание бороться с трудностями</i></p> <p>7) <i>способность чутко улавливать изменения в окружающей действительности;</i></p> <p>8) <i>робкое и уединенное существование в своем идиллическом мире;</i></p> <p>9) <i>представитель среднего класса населения</i></p>

Таким образом, очевидны несовпадения в ассоциативном ряду, связанном с образом «маленького человека» в немецкой и русской лингвокультурах.

Следует также заметить, что ПТ «маленький человек» подвергался и подвергается до сих пор внутрикультурной адаптации в пределах русской лингвокультуры. Другими словами, в каждом из произведений изучаемый феномен реализуется по-своему. Так, Н. В. Гоголь в «ШИНЕЛИ» соединил и развил сразу две важные составляющие прецедентного феномена «Маленький человек». С одной стороны, автор подробно описал жизнь и судьбу типичного

¹ Жирным в таблице выделены совпадения характеристик «маленького человека» из России XIX века и типичного бидермейера из Германии XIX века.

«маленького человека», его беззащитность перед чиновниками высшего ранга и богатыми господами, тщетность борьбы за выживание и обреченность на полуголодное существование. Именно эти сведения являются ядерными в изучаемом русском ПТ «Маленький человек» и остаются практически неизменными в абсолютном большинстве интерпретаций изучаемого феномена. С другой стороны, в процессе исследования было установлено, что вариации подвергаются сведения о последствиях столкновения «маленького человека» и «власть имущих», то есть, Акакия Акакиевича и «значительного лица». При этом Н. В. Гоголь ясно показал, что государство и общество несправедливо относятся к «маленькому человеку», что может привести к трагическим последствиям для последнего.

Таким образом, мы установили, что повесть Н. В. Гоголя «ШИНЕЛЬ» содержит сюжетобразующее ядро – специфичный для русской культуры прецедентный феномен «Маленький человек», а Акакий Акакиевич Башмачкин, главный герой повести Н. В. Гоголя, является типичным представителем упомянутого типа личности в русской культуре. Значит, этот факт может повлиять на процесс межкультурной адаптации повести Н. В. Гоголя «ШИНЕЛЬ» с русским сюжетобразующим ПТ «Маленький человек» средствами немецкого языка.

Анализ особенностей межкультурной адаптации оригинала «ШИНЕЛЬ» Н. В. Гоголя в пределах немецкой лингвокультуры проходил с применением методики, разработанной Л. И. Гришаевой и С. В. Семочко в 2004 году. По всему макротексту оригинала и в переводах изучаемого произведения вычленились номинативная и коннотативная цепочка «Маленький человек = Башмачкин», которые называют и характеризуют соответствующего референта в определённых условиях в оригинале романа и текстах перевода по всему макротексту с привлечением данных из словарей. Выбранный способ анализа позволил наиболее чётко проследить изменения в *номинативных стратегиях*, под которыми понимается выбор из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именованья, как отдельных элементов картины мира, так и её фрагментов, и *дискурсивных стратегиях* на макротекстовом уровне. Под дискурсивными стратегиями понимаются способы аранжировки средств именованья предметов, признаков, процессов, ситуаций и т. п. при осу-

щественности интеракции, что сказывается на изменениях в речевой семантике, выборе грамматических средств реализации интенции автора или получение в результате на выходе текста иной структуры (Семочко 2004).

Рамки статьи не позволяют подробно представить результаты проведённого исследования. Поэтому рассмотрим подробнее наиболее показательные примеры, которые свидетельствуют об изменениях в номинативных и дискурсивных стратегиях, произошедших в процессе межкультурной адаптации изучаемого русского ПТ в немецком художественном дискурсе.

Итак, рассмотрим контекст, в котором говорится о *низком социальном положении* главного героя повести, одной из важнейших характеристик типичного «маленького человека» в русской культуре. Речь идёт о трудовой деятельности Акакия Акакиевича, о его службе в качестве *титularного советника*:

Оригинал	П ₁	П ₂
<p>Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титularный советник, над которым, как известно, натрунили и наострились вдоволь разные писатели...</p> <p>(Гоголь 1985: 13)</p>	<p>Was seinen Rang betrifft (den bei uns muss man zuallererst den Rang angeben), so war er das, was man einen ewigen Titularrat nennt, über den sich bekanntlich allerlei Schriftsteller zur Genüge mit Spott und Hohn ausgelassen haben...</p> <p>(П₁ 1938: 5)</p>	<p>Was seinen Rang betrifft (den bei uns muss man zuallererst den Rang angeben), so war er das, was man einen ewigen Titularrat nennt, über den sich bekanntlich allerlei Schriftsteller zur Genüge mit Spott und Hohn ausgelassen haben...</p> <p>(П₂ 1947: 9)</p>

Согласно словарю исторических терминов под ред. А. Крюковских, *титularный советник* – гражданский чин IX класса, соответствовал чинам штабс-капитана, штабс-ротмистра, подьесаула, лейтенанта. С 1845 г. давал личное дворянство (Словарь исторических терминов 1998). Право на потомственное дворянство давал только следующий чин, VIII класса, поэтому-то на пути к нему лежала незримая преграда, преодолеть которую разnochинцу-чиновнику было чрезвычайно трудно. Большинство титularных советников навеки оставались в этом чине, не рассчи-

тывая на большее; их называли вечными титулярными советниками, а насмешливо – шулярами или титуляшками (Словарь исторических терминов 1998). Если же обратиться к авторитетному немецкому толковому словарю DEUTSCHES UNIVERSALWÖRTERBUCH, то мы найдём там довольно краткое определение номинации *Titularrat*, которая была использована как в П₁, так и в П₂: *Beamter im Rang eines Rats ohne festes Amt*. Как представляется, данная информация является недостаточной для полного понимания анализируемого явления. В Германии чин *Titularrat* имел место, но в XVIII веке. Согласно данным, полученным из интерактивной немецкоязычной энциклопедии, чиновники типа *Titularrat* были придворными чиновниками, приближенными к тайному надворному советнику, советнику по делам коммерции, а не просто обычными переписчиками, стоящими на самой низкой ступени в табели о рангах (<http://www.enzyklo.de/Begriff/Titularrat>). Видимо, по этой причине, в современном литературоведении в Германии принято, говоря о герое «ШИНЕЛИ» Н. В. Гоголя, давать комментарий в отношении его рода занятий: *Beamter neunten Ranges* (Lange 2011).

В анализируемом контексте оба переводчика передали информацию о принадлежности героя к низшим чинам в России того времени посредством калькирования лексемы из оригинала, что в данном случае не даёт немецкому читателю полного представления о низком социальном статусе героя. В дальнейшем оба переводчика компенсируют некоторым образом потерю значения номинации *титулярный советник*, говоря об обязанностях Башмачкина. В этом случае *чиновник для письма = титулярный советник* (Гоголь 1985: 17) становится в текстах перевода *переписчиком*, то есть, *Schreiber* (П₁ 1938: 9; П₂ 1947: 13). Однако, полной информации о том, насколько низок был социальный статус героя и насколько жалкое и бесперспективное существование он влачил, немецкие читатели все же не получают.

Обратимся к следующему примеру, который подчеркивает тот факт, что Акакий Акакиевич как типичный «маленький человек» является *совершенно никому не интересной личностью*. Он был настолько незаметен и безучастен, что даже его смерть в конце произведения не приносит никому никаких изменений и волнений. Автор повести говорит, что Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда и не было:

оригинал	П1	П2
<p><i>Исчезло и скрылось существо никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное...</i></p> <p>(Гоголь 1983: 98)</p>	<p><i>Ein Mensch war verschwunden und verschollen, von niemandem geschützt, niemandem teuer, für niemanden interessant...</i></p> <p>(П1 1938: 83)</p>	<p><i>Verschwunden war ein von niemandem beschütztes, von niemandem geschätztes, für niemanden interessantes Wesen...</i></p> <p>(П2 1947: 93)</p>

Согласно толковому словарю Ожегова, номинация *существо* имеет следующее значение: *живая особь, человек или животное* (Ожегов 1988). Н. В. Гоголь, называя так героя, подчеркивает тем самым его пассивность, ущербность и обречённость влачить жалкое существование. В первом переводном тексте *существо* заменяется на лексему *человек* (*ein Mensch*). Согласно немецкоязычному толковому словарю DEUTSCHES UNIVERSALWÖRTERBUCH, лексема *der Mensch* имеет следующее значение: *mit der Fähigkeit zu logischem Denken und zur Sprache, zur sittlichen Entscheidung und Erkenntnis von Gut und Böse ausgestattetes höchstentwickeltes Lebewesen* (Duden 2007). Таким образом, главный герой повести представляется немецкому реципиенту более значимой личностью, нежели в оригинале повести, которая обладает рядом достоинств и играет определенную роль в своем обществе. Но ведь Акакий Акакиевич был совершенно пустым в духовном плане, ему были чужды общественные ценности, а происходящие вокруг него события как будто бы не имели значения. Именно поэтому Н. В. Гоголь назвал Башмачкина просто *существом*. В П2 данная характеристика главного героя была передана как *Wesen – etwas, was in bestimmter Gestalt, auf bestimmte Art und Weise (oft nur gedacht, vorgestellt) existiert, in Erscheinung tritt, Mensch (als Geschöpf, Lebewesen)* (Duden 2007), что в большей степени отражает авторскую интенцию.

Рассмотрим теперь такую важную характеристику типичного «маленького человека» из русской культуры, как его **кротость**, **незлобность**. В процессе ревербализации данных характеристик главного героя из текста оригинала в текстах перевода в этом случае снова наблюдаются изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях:

оригинал	П1	П2
<p>Акакий Акаки- евич об этом не хотел рассуж- дать с Петрови- чем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль (Гоголь 1985, 57).</p>	<p><i>Akakij Akakie-</i> <i>witsch wollte darüber</i> <i>mit Petrowitsch nicht</i> <i>streiten</i>, <i>den er</i> <i>fürchtete sich vor al-</i> <i>len hohen Summen,</i> <i>mit denen Petrowitsch</i> <i>gern Staub aufwirbel-</i> <i>te</i> (П1 1938, 49).</p>	<p><i>Akakij Akakie-</i> <i>witsch wollte mit</i> <i>Petrowitsch darüber</i> <i>nicht diskutieren,</i> <i>er hatte auch Angst</i> <i>vor allen hohen</i> <i>Summen, mit denen</i> <i>Petrowitsch um sich</i> <i>zu werfen liebte</i> (П2 1947, 55).</p>

Согласно Толковому словарю Ожегова, глагол *рассуждать* имеет следующее значение: *Мыслить, строить умозаключения. Последовательно излагать свои суждения о чём-нибудь, обсуждать что-нибудь, вести беседу* (Ожегов 1988). Значит, приведённый контекст характеризует в оригинале главного героя как спокойного, терпеливого человека, не вступающего в конфликты и боявшегося самой мысли о споре, особенно с «сильными мира сего». Как в первом, так и во втором переводном тексте наблюдаются качественные изменения в анализируемой номинации главного героя. Согласно немецкому толковому словарю DEUTSCHES UNIVERSALWÖRTERBUCH, глагол *streiten* из П1 имеет следующее значение: *Mit jmdm. Streit haben, in Streit geraten, sein; sich mit jmdm. in oft erregten Erörterungen, hitzigen Wortwechseln, oft auch in Handgreiflichkeiten heftig auseinandersetzen; sich zanken* (Duden 2007). Значит, использование глагола *streiten* в адаптируемом контексте из оригинала даёт несколько иную характеристику Акакию Акакиевичу. В этом случае он позиционируется как более сильная личность, потенциально способная вступать в дебаты, отстаивать свою позицию, что противоречит сведениям из оригинала повести.

Во втором переводном тексте использован глагол *diskutieren*, который имеет следующее значение: *um etw. eine Diskussion führen, eine Auseinandersetzung haben* (Duden 2007). Таким образом, глагол *diskutieren* также говорит о потенциальной способности Акакия Акакиевича вступать в споры, вести дискуссии или же принимать в них участие. А ведь русский глагол *рассуждать* можно было бы передать существующими в немецком языке эк-

вивалентами: *etwas besprechen / über etwas sprechen*. Следовательно, в этом случае снова имеют место изменения в номинативных стратегиях, что вызывает изменение и в дискурсивных стратегиях, поскольку меняется коммуникативный фокус восприятия главного героя, которому обоими переводчиками приписывается потенциально возможное умение спорить, возражать и вести дискуссии, что совершенно не соответствует характеристикам личности типа «маленький человек» в русской лингвокультуре.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что в процессе межкультурной адаптации повести Н. В. Гоголя «ШИНЕЛЬ» номинации и характеристики главного героя зачастую качественно не совпадают в тексте оригинала и текстах перевода.

Безусловно, в процессе межкультурной адаптации подобного рода текстов лексические, грамматические, стилистические и синтаксические трансформации неизбежны. Это может быть обусловлено несовпадением систем русского и немецкого языков, особенностями персонального стиля переводчиков и даже в какой-то мере своеобразным пониманием переводчиками текста оригинала.

Однако, как представляется, во многом изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях в процессе межкультурной адаптации макротекста с сюжетообразующим русским ПТ «Маленький человек» могут быть связаны с отсутствием в немецкой культуре набора ассоциаций, стоящих за изучаемым русским культурно-специфическим прецедентным феноменом. В результате, в процессе вербализации одного и того же фрагмента внеязыковой действительности представителями другой лингвокультуры у адресатов текста оригинала и текстов переводов не всегда формируется то же представление о национально-специфическом культурном феномене, в данном случае русском ПТ «Маленький человек», что главным образом обусловлено различиями в категоризации и концептуализации действительности представителями разных лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие. Немецкий язык и культура через призму немецких преце-

дентных текстов. – Воронеж: Издат. дом «Русская словесность», 1998. – 147 с.

2. Гришаева, Л. И. Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность. // Социокультурные проблемы перевода: Сбор. науч. трудов. – Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 109 с. – С. 32-44.

3. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 369 с.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

5. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 286 с.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

8. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 751 с.

10. Полубояринова, Л. Н. Литература эпохи реставрации (Германия). Высокий Бидермейер // История заруб. лит-ры XIX века: Учебник / Отв. ред. Е. М. Аненко. – М.: Проспект, 2001 – С. 45-74.

11. НРС – Немецко-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1992. – 1040 с.

12. Семочко, С. В. Маркеры внутри- и межкультурной адаптации в когнитивном ракурсе // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Колл. монография. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – Ч. 2. – С. 198-210.

13. Словарь исторических терминов (составитель В. С. Симаков, под общей редакцией А. П. Крюковских). – СПб.: «Лита», 1998. – 214 с.

14. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

15. Феномен прецедентности и преемственность культур: коллективная монография / Воронежский гос. ун-т; (под общ. ред.

Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 312 с.

16. Цурикова, Л. В. Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен // С любовью к языку: Сб. науч. тр. – Москва-Воронеж, 2002б. – С. 419-429.

17. Heinemann, M. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion – Text – Diskurs / M. Heinemann, W. Heinemann. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 271 S.

18. Lange, W. Der Mantel – Eine Erzählung von Nikolai Gogol. – 2011. – URL: <http://www.referate10.com/referate/Literatur/35/Der-Mantel-Eine-Erzahlung-von-Nikolai-Gogol-Ubersetzt-von-Wilhelm-Lange-reon.php> (дата обращения: 01.12.2012).

19. Moskalskaja, O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau: Vysšaja Škola, 1983. – 384 S.

20. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Titularrat> (дата обращения: 12.05.2012).

ИСТОЧНИКИ

1. Гоголь, Н. В. «Шинель» / Под ред. А. Зыкова. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1985. – 127 с.

2. П1: Gogol, N. Der Mantel / N. Gogol. – Berlin: Freie Universität Berlin, 1938. – 99 S.

3. П2: Gogol, N. Der Mantel. Russisch-Deutsch. – Wiesbaden: Karl-Rauch-Verlag, 1947. – 109 S.

4. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. – Neu bearbeitete Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007. – 1900 S.

Светлана Валерьевна Семочко
Воронежский государственный
университет
пл. Ленина, 10-48, Воронеж, 394006
Российская Федерация
semosvet71@rambler.ru

Svetlana V. Semochko
Voronezh State University
pl. Lenina, 10-48, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 980 242 08 10